

Социальные аспекты словообразовательных процессов в современном русском языке начала XXI века

Л.В. Рацибурская

Доктор филологических наук, профессор

أ.د. ل.ف. راتسيبورسكيا

دكتوراه دولة في العلوم اللغوية \ روسيا انيجنينوفغرد

جامعة نيجنينوفغرد الحكومية باسم ن.ي. ل.اباجيفسكوف

المناحي الاجتماعية للعمليات الاشتقاقية في اللغة الروسية المعاصرة

المستخلص: يتناول البحث أهم إشكالات علم اللغة الاجتماعي من وجهة نظر اشتقاقية في مطلع القرن الحادي والعشرين، حيث يتم بحث المناحي الاجتماعية للعمليات الاشتقاقية في اللغة الروسية المعاصرة وتأثيرها على العمليات الاشتقاقية بوصفهما ظاهرتان متلازمتان يشكلان عملية لغوية واحد ذات نتيجة توليدية موضحة لدور العوامل الاجتماعية في الاشتقاق.

По мнению ученых, исследующих современные деривационные процессы, „начиная со второй половины XX в., активизируются новые социолингвистические и коммуникативные факторы”, определяющие специфику современного словотворчества в ряде типологически близких славянских языков [Нещименко 2010: 39]. В результате возросшего влияния масс-медиа на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, „узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного” [Нещименко 2010: 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, в том числе и в современных СМИ, „что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом” [Нещименко 2010: 38]; наблюдается проявление языковой экономии, „в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных семантически емких номинаций” [Нещименко 2010: 39].

Указанные факторы определяют социокультурную специфику деривационных процессов в современном русском языке. В деривационных процессах активизируются прежде всего те аффиксы и модели, которые „передают социально и культурологически значимую семантику” [Земская 1996: 139].

„Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксом **-изациj-**, которые стали приметой нашего времени” [Николина 2005: 126]: *американизация (искусства), алкоголизация (населения), бандитизация (страны), банкизация, ваучеризация, долларизация, исламизация,*

криминализация, чеченизация. Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера.

У ряда новообразований – абстрактных существительных отмечается наличие экспрессивного фона: „... всеобщая *чипизация* грозит лишить нашу жизнь многих радостей пофигизма” (Русский репортер, 29.07-05.08.2010), „Речь идет о СМИ – средствах массовой *инстинктивизации* детей” (Знание – Власть! 2011, №2), „*гомосексуализация* шоу-бизнеса” (Собеседник, 2011, №1), „... Россия является ключевым игроком, от политического режима которого зависит и исход политической борьбы внутри США: будет ли дискредитация «перезагрузки», коллапс «*обамизма*»” (Знание – Власть! 2011, №2). „Надо приучать народ к процедуре правосудия. *Советщину* искоренять” (Русский репортер, 20-27.11.2008); „...по книге толстым слоем разлита этакая литературная «*дамскость*»” (Литературная газета, 16-22.04.2008), „Когда исландцы возвращаются к своей настоящей «*исландскости*»...” (Радио России, 12.06.2011), „В этой неамбициозности, *негламурности* вся прелесть Португалии, которую называют спящей красавицей Европы...” (1-й телеканал, 29.05.2011), „...без малейшего налета теперешнего тотального «*оклубничивания*»” (Литературная газета, 24-27.10.2009), „...*спамерство* стало крупным бизнесом...” (Известия, 14.01.2011).

Отмечаемый исследователями рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в деривационной активности суффиксов **-ец, -(н)ик, -щик(-чик), -ист, -ант**: *гайдаровец, зюгановец, рыночник, державник, перестроечник, компьютерщик, оборонщик, суверенщик, ельцинист, сталинист, вручант, подписант* и др. При образовании имен лиц жаргонно-разговорного характера продуктивность проявляют суффиксы **-ник, -щик**: „...скандалы, то и дело вспыхивающие вокруг липовых результатов ЕГЭ и «*стобалльников*», успешно заваливающих первую же сессию в вузе...” (Литературная газета, 2010, № 39), „...я твердо уверен, что никогда не узнаю «на гражданке» ни олигарха Аркадия Ивановича, ни *казиношника* Игоря, ни врача Антона” (Русский репортер, 09–16.09.2010), „Еще более дикой выглядит борьба с пешими «*ведерочниками*». В начале мая, надев на голову синие ведра, похватав синие нитки, воздушные шарiki и даже цветочные горшки, участники флэшмоба под ритмы тамтамов пошли гулять по маршруту от Нового Арбата до Белого дома” (Московский комсомолец. РРЕ. 21–28.07.2010), „Сегодня в России услугами «*обнальщиков*» пользуются 90 % предпринимателей, от крупных компаний до крохотных <...>. Известие об аренде банды всколыхнуло столичный мир «обнала» <...> Ходят слухи, что взяли крупных оптовиков, снабжавших многие столичные «обнальные» конторы...” (Наша Версия 17–23.05.2010), „В начале 90-х я помню его несколько растерянным, удивленным, словно бы потерявшим опору в своих суждениях об искусстве под натиском «*актуальщиков*»” (Литературная газета, 15–21.09.2010), „Субкультура *выживальщиков*, появившаяся на Западе еще во времена массового атомного психоза...” (Завтра, 2010, № 46), „Но раньше главной фигурой в кинопроизводстве был режиссер <...> теперь же режиссер – никто. *Снимальщик*. Работает компания продюсеров, которые пишут сценарий, нанимают актеров, оператора, художника,

композитора, режиссер приходит чуть ли не в последний день” (Российская газета, 16.09.2010).

Отличительной чертой современного русского словообразования исследователи считают рост именной префиксации» [Земская 1996, Николина 2005]. Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: **анти-, де-, контр-**: *антирынок, антивирус, антиглобализм, антидемократизм, антиреклама, «антиофициоз», «антипиар», «антиновация», антигорбачевский, антимонопольный. антиперестроечный, антипутинский, антирыночный, «антинатовские акции», «антипекинский мятеж»; деполитизация, демодернизация, десталинизация, деидеологизация, департизация; контрперестройка, контрреформа, контркультура, контрэлита, контртеррористический*; „В Вашингтоне подписан очередной *«антиядерный»* документ” (Советская Россия, 18.04.2010), „Изначально вечеринка по поводу дня рождения Анны Семенович планировалась в *«антигламурном стиле»*” (Комсомольская правда, 04-11.03.2010), „Это *антифранцузский* состав французской оперы” (телеканал „Культура”, 22.05.2011); „немецкие неонацисты начали собираться на *контрдемонстрацию*” (телеканал „Россия”, 01.05.2009), „Местная партия «Единой России» сперва объявила, что соберет весьма многочисленный *контрмитинг*” (Известия, 05.02.2010). Дериваты с данными префиксами опосредованно отражают противостояние социальных сил и оценок в современной России. В текстах СМИ префиксы **анти-, контр-** активно сочетаются с одушевленными существительными, что свидетельствует о расширении их синтагматических возможностей: „В большинстве я сейчас играю не очень хороших людей, *антимилиционеров* и анти-социальных людей” (Комсомольская правда, 25.03.2008), „Как избежать наезда *антирейдеров?*” (Наша Версия, 11-17.08.2008), „80-е годы, глава «Новых технологий» Окаемов пытается вырастить *антихакеров-профессионалов*, способных предотвращать технологические преступления” (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 30.06.2008), „Олег Табаков по возрасту пенсионер, по духу – *антипенсионер*” (1-й канал, 22.08.2010).

Исследователи отмечают высокую роль оценочных и количественных значений в современном словообразовании, что, в частности, выражается в активизации префиксов **гипер-, мега-, супер-** размерно-оценочной семантики, указывающих на интенсивность качества, признака, высокую степень чего-либо: *гипердержава, гипермаркет, «гипернакрутка», гипертекст, «гиперхудоба»; мегапортал, мега-хит, «мегафабрика», «мегаферма», «мегарайон», «мегафорум»; супердержава, суперзвезда, суперкомпьютер, супермодель, суперхит*; „Самохина была *гиперсексуальна*” (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 11-18.02.2010), „Все-таки актер должен иногда быть расслабленным. Эта *гиперответственность* чувствуется, что занимает много места в вашей жизни и передается на экран” (Российская газета, 23.09.2010); „Разрушение Советского Союза – то единственное, что Согу и впрямь довел до конца. Понятное дело, такое *мегапредательство* было суммой, бесконечно превосходящей тридцать иудиных сребреников” (Советская Россия, 27.11.2010), „В России появится новый *мегарегулятор*” (Известия, 06.12.2010), „политическое *мегаграффити*” (телеканал

REN TV, 10.04.2011), „Такое ощущение, что в стране нет ни одного подростка, который бы не смотрел *мега-рейтинговый* сериал «Ранетки» на телеканале СТС” (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 11-18.02.2010), „Она настолько была *мегаудесятерена* на жизнь” (НТВ, 02.04.2011); „На вокзал пришел новый скоростной *суперпоезд* «Аллегро»...” (Комсомольская правда, 27.05.2010), „Это его фирма изобрела *суперлекарство* тамифлю” (Комсомольская правда, 10.06.2010), „Позже *супербабушку*, которая одна разобралась с бандой налетчиков, нашли” (телеканал НТВ, 13.02.2011), „*суперкачественная* сталь советских танков” (телеканал ННТВ, 22.05.2011). Новообразования с данными префиксами отражают усиление социальной оценочности в период ремаркации социальных ценностей в России.

Указанные префиксы в медийных текстах могут сочетаться с исходными одушевленными существительными, нарицательными и собственными: „*Мега*славяне” (Собеседник, 2009, №26), „Такой вот *гипер*-Чехов, только у того всегда присутствуют холод и скепсис, а здесь все сдобрено острейшей приправой страсти” (Новая газета, 19.11.2007), „У России был свой *супер*Пиночет – Сталин” (Комсомольская правда, 11.12.2006), „За этой Супервазой охотится российский *Супер*-Джеймс Бонд” (Независимая газета, 15.11.2007). Префикс **супер-** может указывать на значительные размеры предмета, особую его значимость и масштабность (*суперцена, суперкампания, суперпроект*), на высокие и иные качества лица (*суперпрофессионал, суперпродюсер, суперреволюционер*).

„К группе высокопродуктивных морфем относятся также приставки, выражающие отношение ложности, неистинности (**квази-**..., **псевдо-**)” [Николина 2005: 127]: „*квазипартии*”, „*квазитоталитаризм*”, „*квазимасонские организации*”, *псевдодемократ, псевдопатриот, „псевдодиетологи”, „псевдонароды”, „псевдороссияне”, псевдосуверенитет, псевдорелигиозный, псевдорыночный, „псевдомедицинские приборы”*; „Белоруссия – последний представитель *квазисоциалистической* экономики в Европе” (<http://news.rambler.ru>, 09.06.2011), „...*квазироссийский* режиссер, поскольку он живет в Германии...” (1-й телеканал, 29.05.2011), „Вариант телефонного мошенничества с участием «*псевдородственников*» с успехом проворачивается уже не первый год” (Проспект, 19.01.2010), „Очень хочется спросить всех скептиков и *псевдоспециалистов*, пророчивших поражение нашей баскетбольной команде...” (телеканал ННТВ, 27.05.2011), „*псевдо*документальная манера” (Комсомольская правда, 21-29.01.2010). Широко представлены данные префиксы в новообразованиях медийных текстов. При этом новообразования, называющие лиц, могут иметь дополнительные оттенки смысла ‘фальшивый, подложный представитель данной профессии’: „Тогда его автомобиль был остановлен *псевдомилицонерами*, а затем обстрелян” (Российская газета, 10.10.2008), „*Псевдополицейский* оказался старым знакомым” (телеканал „Россия”, 20.01.2009). Новообразования с **псевдо-** могут указывать на несоответствие реальным функциям и свойствам, на низкое качество того, что названо мотивирующим словом: „Наша задача – создать некую единую систему, упорядочить систему соревнования, выгнать всех *псевдоорганизаторов*” (Российская газета, 12.08.2008). Новообразования с **псевдо-** не только содержат субъективную оценку лица, но и характеризуют состояние объекта: „...с

приставкой «псевдо», от которой, говоря о современном кино, не отмахнешься, - *псевдоигра, псевдотематика, псевдочувства*” (Завтра, 2007, №42), *псевдолиберализм, псевдонационализм, псевдооппозиция, псевдоспред.* Новообразования, номинирующие объекты в сфере искусства, могут развивать значение имитации: „Смешав на экранной палитре реальную и *псевдохронику* с игровыми сценами, анимацией, он предпринял храброе до безумства путешествие в город” (Новая газета, 23.10.2008); „*Псевдодокументалистика* привлекает, но примелькавшись – отталкивает” (Литературная газета, 27.01 – 02.02.2010); „А мы едем на «ролевуху» - масштабную *квазитеатральную* постановку, основанную на импровизации участников” (Российская газета, 26.05.2006).

В последние десятилетия активизировалась приставка *экс-* с семей ‘бывший’: *экс-губернатор, экс-министр, экс-мэр, экс-президент, экс-премьер.* В текстах СМИ данный префикс сочетается не только с исходными словами, обозначающими звание, должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле – по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению, психо-физиологическим характеристикам: „*экс-пилот* «Русских витязей»”; „*экс-милиционер*...оставлен под арестом”; „После восьми лет и девяти месяцев *экс-полковника* выпустили из тюрьмы” (1-й телеканал, 10.06.2011), „*экс-музыкант* «Аквариума»”; *экс-бизнесмен*; „*экс-владелец* «Евросети»”; „*экс-нападающий* английского «Ливерпуля»”; „*экс-суперзвезда* украинской эстрады”; *экс-нижегородец*; „*экс-жена* британского принца Эндрю”; „*экс-неврастеник* российского рок-н-ролла Петр Мамонов”. В качестве исходных выступают и неодушевленные существительные, а также прилагательные: „Даже президенты с приставкой «экс» от своих *экс-привычек* не скоро избавляются” (Комсомольская правда, 06-13.12.2007), „А *экс-коммунистические* депутаты...сделали шаг назад” (Завтра, 2007, №42).

Среди продуктивных аффиксов возрастает удельный вес аффиксов иноязычного происхождения. Заимствованные префиксы присоединяются, как правило, к именным основам (словам именных частей речи), а исконные – к глагольным. Причем характерной приметой настоящего времени становится «активное присоединение русских приставок к иноязычным глаголам: *пролоббировать, простимулировать, протестировать, отсканировать*» [Земская 2010: 238].

В последнее время наблюдается расширение синтагматических возможностей указанных продуктивных префиксов в текстах СМИ. В качестве исходных слов выступают имена собственные (*антиЕльцин, анти-Галатhea, анти-Пигмалион, анти-Римы, анти-Селигер, анти-Никита Михалков; гипер-Чехов; мега-Европа; супер-Химки, суперСнегурочка; псевдо-Россия, псевдо-Билан, псевдоалександрымакедонские; экс-Черномырдин, экс-Свердловск, экс-Борис Березовский, экс-„Блестящая*”), аббревиатуры (*Анти-НАТО, Анти-ГАИ, контр-ПРО, квази-НПО, псевдо-ЧП, мегавуз, супер-НАТО, экс-СССР*), имена числительные (*движение „Анти-2004”, турнир „Супер-шесть”, экс-первая леди Франции*) и целые словосочетания (*экс-королева Майдана, экс-первая леди Америки, экс-„Мисс Вселенная”, экс-Музей Ленина*).

Иноязычные префиксы в узуальных и незуальных неологизмах активно сочетаются с исконными и стилистически сниженными производящими словами (основами), что свидетельствует о расширении стилистических возможностей данных префиксов: *антишмя, антиЕльцин, антигламурный, антиэсэнгэшный, квазильготник, псевдороссияне, псевдородственники, пседогазетенка, гиперхудоба, гиперофигевающий, мега-сады, мега-гости, мегаславяне, суперпивная, суперхрущоба, суперпродвинутый, экс-нижегородец, экс-зэк*. Несоответствие стилистической окраски иноязычного префикса и исходного слова, вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики свидетельствует о проявлении тенденции к демократизации в речи и языке.

Следует отметить также активизацию препозитивных частей (префиксоидов) заимствованного характера.

Активная автомобилизация российского населения, развитие технологий, основанных на использовании природных материалов, актуальные проблемы экологии нашли отражение в активизации префиксоидов *авто-, био-, эко-: автогражданский, автодизайн, автокредит, автопроизводитель, автострахование, автосалон; биоатака, биодобавка, биоацита, биокорректор, биомасса, биомедицина, биопатогенный, биополе, биопротез, биоритмы, биостимулятор, биотерроризм, биотехнолог, биотоки, биотуалет, биоэнергетик; экокухни, эко-обувь, экосистема, экотуризм, экоцентр*; „Андрея Хартли назвали новым *автогероем*” (REN TV, 10.04.2010), „...*автоледи* потребовала у руководства центра обменять машину или вернуть уплаченные за нее немалые деньги – 610 тысяч рублей <...> автосалон должен заплатить *автовладелице* за причиненные неудобства” (Российская газета, 15.07.2010); „Недавно около нашего дома появился *биосупермаркет*. Именно в нем продаются продукты, произведенные в экологических хозяйствах. Цена в *биомагазине* порядочная: в два-три раза выше обычной” (Российская газета, 05.06.2010); „Приехали на непаханую землю, завели коз, назвали себя *экопоселением*. <...> Ведь в Германии экологическое земледелие становится все более популярным. <...> Более того – *экоподворья* финансируются программами Евросоюза. <...> Под *экоземледелием* там понимается не только единение с природой <...> Немецкие *экофермеры* живут в кирпичных современных домах – с телевизорами и компьютерами <...> *Экофермерство* всячески поддерживается на уровне ЕС” (Российская газета, 05.08.2010).

Достижения научно-технического прогресса способствуют активизации такой препозитивной части, как *нано-*, которая квалифицируется носителями языка то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид. Показательно восприятие части *нано-* некоторыми носителями языка: „Все только и говорят про *нано-что-то-там*, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существуют ли нанотехнологии и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в *наноскандалы* и разоблачение *нанодельцов*. Не способен даже гнать *нанопургу* про *нанобудущее*. (Все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета) <...> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой *нановакханалии* – ведь, к счастью для нас, слово «нано» давно живет своей

интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой *нанореальности* и посвящены мои *наномысли*. Сегодня «нано» - передний край словообразования<...>. Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову – и будет толк” (Русский репортер, 22-29.05.2008). В последнее время *нано-* используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где *нано-* указывает на отношение к нанотехнологиям: „Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «нано» - значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный. Значение это особо греет душу рекламщикам: <...> тут и *iPod nano*, и сигареты *Kent nano*, и *наноЯндекс*, и какие-то *нанооптимизаторы*, и *наноноски*, и *нанокремы*, и даже *нанотрусы* с биофотонами” (Русский репортер, 22-29.05.2008); „Если мы будем научные разработки сразу сращивать с бизнесом, в лучшем случае мы сделаем какие-то «*нанолапти*» или что-то в этом роде...” (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 10-16.02.2010).

Активные контакты с Западом, возрастание в современном российском обществе роли СМИ, и в частности телевидения, способствовали повышению продуктивности префиксоидов *евро-*, *медиа-*, *теле-*: *евробумаги*, *евровалюта*, *евродепутаты*, *еврозона*, *евроинтеграция*, *европарламент*, *евросоюз*, *евростандарт*; *медиа-бизнес*, *медиа-война*, *медиа-империя*, *медиа-индустрия*, *медиа-магнат*, *медиа-ресурсы*, *медиа-рынок*; *теледебаты*, *телекомпания*, *телемарафон*, *телемост*, *телеприставка*, *телереклама*, *телесериал*, *телефакс*, *телехит*, *телешоу*. При этом у префиксоида *евро-* развивается семантика ‘лучший, супермодный’: *евроремонт*, *евромода*, *евроотдых*, *евротюрма* и др. „Но ведь и зрителям хочется, чтобы с этой кухни их потчевали, если не отборной, то хотя бы более-менее добротной *телепищцей*” (Комсомольская правда, 01.06.2010); „Наш корреспондент побывал в самых интересных заведениях, принадлежащих *телезнаменитостям*” (Комсомольская правда, 15.07.2010); „*Телеоскар*. 21 октября 1994 года Академия российского телевидения учредила ежегодную премию «ТЭФИ»...” (Собеседник, 2010, № 40); „Что скажет *теленяня* в ответ на обвинения своих партнеров?” (телеканал НТВ, 21.11.2010); „Уж не с Натальей ли Водяновой собрался под венец *телебосс*?” (Комсомольская правда, 26.08.2010); „Вместо *телемагов* с голубых экранов нас лечат дамы из службы «Секс по телефону»” (Комсомольская правда, 22.07.2010); „И настоящий *телефанат* просто обязан их знать, чтобы в этом мире ориентироваться” (Комсомольская правда, 08.07.2010); „Не знаю, кто как, а я лично пожалел, что любимые многими отважные *телегероини* занялись сексом на большом экране” (Комсомольская правда, 03.06.2010); „Знаменитый *телеюморист* рассказал, каким будет популярное шоу на ТНТ после «перезагрузки»” (Комсомольская правда, 15–22.04.2010).

Активизация заимствованных аффиксов и аффиксоидов, вовлечение в современные словообразовательные процессы слов и основ иноязычного происхождения отражают проявляющуюся в последние десятилетия в русском и других, особенно славянских, языках тенденцию к интернационализации и „амероглобализации”, связанную с возрастанием на рубеже XX-XXI веков масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка.

Наряду с тенденцией к интернационализации в современном русском языке в целом и в словообразовании в частности проявляется тенденция к демократизации, которая вызвана демократическими преобразованиями в общественной жизни России и связана с усилением влияния устно-разговорной речи на книжно-письменную. В деривационных процессах активизируются те словообразовательные аффиксы и модели, которые характерны для разговорной речи, наблюдается также экспрессивизация словообразовательных средств. Особую значимость, по мнению ученых, приобретает создание в русле тенденции языковой экономии компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями [Нещименко 2010: 39].

При образовании универбов, отражающих тенденцию к экономии языковых средств и включающих семантику всего базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов, продуктивность проявляют исконные суффиксы **-к(а)** отвлеченно-предметной семантики, **-(н)ик**, **-щик** со значением лица: *внутрианка* (внутренняя политика), *автогражданка* (страхование автогражданской ответственности), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *одноканалка* (одноканальное финансирование), *однушка* (однокомнатная квартира), *социалка* (социальная сфера), *углубленка* (углубленное изучение предмета); *бюджетник* (работник бюджетной сферы), *налоговик* (сотрудник налоговых служб), *теневик* (представитель теневых структур), *силовик* (представитель силовых структур), *сырьевик* (представитель сырьевых отраслей); *виртуальщик* (находящийся в виртуальной реальности), *чрезвычайщик* (представитель чрезвычайных служб), *экстремальщик* (представитель экстремальных видов деятельности), и др.

Влиянием тенденции языковой экономии исследователи объясняют расширение границ деминутивного и феминативного словообразования в русском языке [Нещименко 2010: 39]. Продуктивность проявляют суффиксы **-к(а)**, **-ш(а)** со значением женскости: „Наши юные *керлингистки* исполняли роль склочных баб” (Новая газета, 03.03.2010), „Вместо Маресьевых – попрошайки, вместо ворошиловцев – Евсюковы, вместо Штирлицев – вообще какие-то *чапмениш*” (Собеседник, 2010, №31), „...да позже хитрая *гастарбайтерша* из Гвинеи решила слупить с клиента еще больше мани-мани за мировое соглашение?” (Комсомольская правда, 26.05-02.06.2011).

Общее возрастание экспрессивности речи стимулирует образование и употребление деминутивных существительных, прилагательных и наречий с различными суффиксами **-(ч)ик**, **-ок**, **-еньк**: „Появляются даже маленькие *циклончики*” (НТВ, 02.05.2011), „Бывший экспедитор гостиницы «Прибалтийская», осужденный за мошенничество, становится банкиром небольшого «*банчка*» под названием Северный торговый банк...” (Собеседник, 2011, №4), „Нет нужды, что в обнажении верхом на валуне есть моральный аспект. Жги! Зачастую это твой последний *шансок*” (Собеседник, 2011, №4), „Я выходил, как будто покурить, брал бутылочку. И мы с ним *сепаратенько* так” (Новая газета, 27.09.2010).

Семантика новообразований, демонстрирующих продуктивность тех или иных словообразовательных средств, отражает политические и социально-экономические изменения в России на рубеже XX-XXI веков, в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др. Словообразовательный механизм русского языка, реализующийся в современных деривационных процессах, участвует и в формировании картины мира носителей языка.

Библиография

Е.А. Земская, *Активные процессы современного словопроизводства*, в: Русский язык конца XX столетия (1985-1995), Москва 1996, с.90-140.

Е.А. Земская, *Литературная норма и незувальное словообразование*, в: Современный русский язык: Система – норма – узус, Москва 2010, с.207-253.

Г.П. Нецименко, *Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы*, в Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych, ред. Е. Коряковцева, Siedlce 2010, с.13-49.

Н.А. Николина, Е.А. Фролова, М.М. Литвинова, *Словообразование современного русского языка*, Москва 2005, с.160.